

Пётр Фарфудинов

*ПИТЕР. КРОВЬ И
ПЫЛЬ*

Пётр Михайлович Фарфудинов

ПИТЕР. КРОВЬ И ПЫЛЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72983787

SelfPub; 2025

Аннотация

1696–1730 годы. Рождение Империи – одна цена, три судьбы.

Пётр I, получив ключ к морю, приказывает построить новую столицу на гиблом болоте в устье Невы. Это приказ, равный смертному приговору для тысяч.

Иван Горяинов, подьячий, разрывается между долгом архитектора будущего и совестью человека, видящего его адскую цену.

Алексей Бражников, сын казнённого стрельца, ненавидит царя-«антихриста», но его сила и честность делают его незаменимым в деле, которое он презирает.

От первых свай в гнилом торфе до гранитных набережных, от паники под Нарвой до триумфа Ништадтского мира и ледяного ужаса дела царевича Алексея – роман проводит читателя через всю петровскую эпоху.

Это история о том, как строят парадиз. Не на песке, а на костях, ненависти и сломанных судьбах. О том, как рождается не просто город, а новая, жестокая, великая реальность – Империя. И о том, может ли человек остаться человеком, когда он одновременно и жертва, и соучастник её строительства.

Пётр Фарфудинов

ПИТЕР. КРОВЬ И ПЫЛЬ

«ПИТЕР. КРОВЬ И ПЫЛЬ»

Пролог. Москва. 1703 год.

Дым от печей стоял над Москвой столбом, горьким и привычным, как хлеб из лебеды. Иван Горяинов, сжимая под мышкой папку с чертежами, пробирался сквозь толчею Китай-города. От него пахло бумагой, сажей и страхом. Вчера вернулся гонец из Прибалтики с пакетом на имя царя, а сегодня Ивана вызвали в Преображенский приказ. Не к добру.

В сенях пахло псиной и медвежьей шкурой. За столом, не поднимая головы, что-то писал дьяк.

– Горяинов? – буркнул он. – Живей. Его величеству угодно новую крепость строить. На реке-Неве. Только что взяли шведское болван-городок Ниеншанц. Место указано.

Иван почувствовал, как холодеют пальцы. Нева. Болота. Шведы рядом.

– Мне... чертежи готовить?

– Тебе – ехать. С первым обозом. Наблюдателем от Каменных дел. За народом смотреть, чтобы не разбежались. За ле-

сом, за глиной, за камнем. И за десятниками, чтобы не очень воровали. – Дьяк усмехнулся, обнажив редкие зубы. – Царь Петр Алексеевич сам будет. Говорит, там парадиз русский будет. Рай.

Глава первая. Устье Невы. Май 1703 года.

Рай пах соленой водой, хвоей и гнилью. Обоз растянулся по песчаной косе, уткнувшейся в серое, неприветливое море. Слева – непроходимый лес, справа – топи, из которых чахлыми островками торчали кочки. Дождь шел не переставая.

Иван, кутаясь в промокший кафтан, стоял перед группой «рабочих людей». Они смотрели на него пустыми глазами. Это были беглые, бродяги, купленные по дешевке помещиками «души», присланные из дальних уездов. Смерть в их взгляде уже обжилась.

– Копать ров здесь, – Иван тыкал палкой в схему, прикрытую от дождя полкой. – Глубина – две сажени. Глину – на вал.

Мужики молча взяли заступы. Их движения были медленны, как у сонных мух.

Вечером у костра Иван слышал разговор. Говорил коренастый мужик с рваным ухом – Алексей.

– Рай... Видали? Болотный рай. Здесь нам и костям нашим сгнить. Царь с немцами на море кататься, а мы – землю рыть. Отцы наши стрельцами были, Москву от смуты спасали, а мы...

– Тише ты, – прошипел сосед. – Услышат.

– Пусть слышат! – Алексей поднял голову, и его глаза в свете пламени встретились с Ивановыми. В них не было страха. Только вызов и старая, как мир, ненависть подневольного человека к начальству.

Иван отвёл взгляд, делая вид, что изучает чертеж. Но в ушах звенели слова: «Отцы наши стрельцами были...» Он вспомнил своего отца, тоже стрельца, умершего от пьяной тоски после роспуска полков. И этого Алексея, сына казненного бунтовщика. Они с двух сторон одной медали, которую безжалостно перечеканивала царская длань.

Глава вторая. 16 мая 1703 года.

Царь прибыл на яхте. Он возник из тумана, как призрак, высокий, стремительный, в простом мундире, забрызганном грязью. Не было времени на церемонии.

– Горяинов! Показывай место!

Петр тяжелой походкой прошелся по берегу Заячьего острова, втыкая в землю свою знаменитую трость.

– Здесь бастион. Тут – куртина. Рвы шире! Крепость должна шведов в море смотреть, а не на нас! – Его голос резал воздух, как пила. Он схватил у Ивана чертеж, что-то

быстро набросал карандашом. – Понимаешь? Запор на горло шведскому льву!

Иван видел, как под взглядом царя оживали, бежали, падали от страха люди. Сам он застыл, охваченный странным чувством. Страх смешивался с восторгом. Этот гигант думал не о болоте и не о грязи. Он видел гранитные стены, бастионы, флот на рейде, город, которого еще не было. Он видел будущее. И это будущее было настолько огромным, что затмевало цену, которую за него платили сегодня.

А в это время Алексей, согнувшись под тяжестью соснового бревна, шептал сквозь стиснутые зубы, глядя в спину царя:

– Построишь... Мы тебе, антихрист, еще помолимся. Костями твой рай устроим.

Алексей, впечатленный действиями царя во время бедствия, делает выбор: не уходить с раскольниками дальше, а остаться и стать одним из первых лоцманов Невской флотилии – его знание рек и характера становится нужно новой России. Иван понимает, что строит не просто город, а новую судьбу для страны, частью которой стал и он, и его непримиримый враг. Их личная вражда не закончена, но отложена перед лицом общего дела.

1709 год. Весть о Полтавской победе. В ещё невзрачном, но уже живом Петербурге гремит салют. Иван стоит на набережной, рядом с ним – Алексей, теперь уже в мундире мо-

ряка. Они не говорят, глядя на корабли. Они оба – плоть от плоти этой новой, жестокой, рождающейся в муках России.

Глава третья. Лето 1703 года. Заячий остров.

Глина. Её было повсюду. Она липла к сапогам, забивалась под ногти, стояла колом на ветру на просохшей одежде и текла жидкой серой кашей под дождем. Ров для фундамента первого бастиона, нареченного Государевым, постоянно осыпался и заполнялся мутной водой.

Иван, стоя по колено в ледяной жиже, кричал на десятника, толстого, как боров, мужика по прозвищу Свист:

– Я велел ставить крепи! Где крепи? Стена поползет!

– Да из чего ставить-то, барин? – развел руками Свист. – Лес-то сырой, далеконько. А люди падают. Цинга.

«Цинга». Это слово висело над лагерем тяжелее тумана. Десны кровили, зубы шатались, и сильные мужики внезапно падали замертво с лопатой в руках. Иван видел, как Алексей Бражников, тот самый с вызовом во взгляде, тайком собирал в лесу хвою, заваривал её в котелке и поил своих земляков – тех, кто с ним из-под Москвы. Они держались крепче других.

Однажды вечером Петр, объезжая стройку, остановился у котлована. Его взгляд, острый, как шило, упал на Алексея, который один тащил бревно, с которого срывались двое дру-

гих.

– Молодец! – рявкнул царь. – Сила не пропадает! Как звать?

Алексей опустил бревно, выпрямился. В его глазах мелькнула вспышка – не гордости, а скорее ярости, что его, сына стрельца, хвалит губитель стрельцов.

– Алексей, государь, – глухо ответил он.

– Вижу, народ у тебя в порядке. Будешь десятником. Двойную порцию хлеба.

И, не дожидаясь ответа, Петр уже повернулся к Ивану, тыча тростью в чертеж: «Горяинов! Почему земляной вал, а не фашичник? Шведы могут ядром разнести в пыль! Переделывать!»

Алексей стоял, сжимая кулаки. Двойная порция хлеба. Царская милость. Это был капкан. Он становился своим для начальства, предателем для своих. Но хлеб... хлеб спасал жизни. Он кивнул, не глядя в глаза товарищам. С этого дня раскол прошел не только между властью и народом, но и внутри самого народа.

Глава четвертая. Осень 1703-го.

Петербург рождался не только в трудах, но и в диком, на-

тужном веселье. На ещё недостроенном дворе Меншикова (уже «светлейшего», хотя княжества не было) собрался шумный пир. Царь, затянутый в немецкий кафтан, требовал «интернациональности». Иван, по приказу свыше, должен был сопровождать свою сестру Анну, выданную замуж за голландского инженера ван дер Флита.

Анна, в платье с тугой талией и открытыми плечами, чувствовала себя чучелом. Её муж, добродушный увалень, увлеченно объяснял Меншикову преимущества свайного фундамента в болоте. А она ловила на себе взгляды – любопытные, хищные, пренебрежительные. «Немка», – шептались боярские жены, ещё не сбившие брови.

Внезапно дверь распахнулась. Во главе процессии, ряженной в священнические ризы, но с кубками в руках, ввалился Петр. Это был его «Всеппянейший собор» – пародия на церковные обряды, страшная и нелепая. «Князь-папа» Зотов, старый учитель Петра, горланил похабную песню.

Иван увидел, как побледнела Анна. Он сам готов был провалиться сквозь землю. Но тут взгляд царя упал на Ван дер Флита.

– Инженер! Иди сюда! Пей за здоровье нового парадиза!

Голландец, улыбаясь, подошел и выпил. Петр, уже изрядно пьяный, обнял его.

– Вот они, новые люди России! Ум без спеси! – Он повернулся к русским гостям, и его лицо исказила гримаса гнева. – А вы... бороды свои драгоценные бережете! Умы не растите! В хоромах тлеть хотите! Здесь город будет – лучше Византии! Поняли?!

В этот момент Иван понял страшную вещь: Петр ломает не только устои, но и сами души. Веселье здесь было такой же принудительной повинностью, как и рытье рвов. Чтобы построить новое, он сначала должен был до основания разрушить старое, даже если это старое – человеческое достоинство.

Глава пятая. Зима 1703–1704.

Зима сковала болота, сделав их проходимыми, но принесся новый бич – холод. Строительство крепости не прекращалось. Алексей, теперь десятник, метался между долгом и совестью. Ему приходилось гнать людей на мороз, и он сам работал впереди всех, молча, яростно. Его авторитет рос, но росла и отчужденность. «Царев угодник», – звали его за спиной.

Однажды ночью к нему в землянку пришел молодой парень Федька.

– Алеша, бежать хотим. За Нарву. Там, слышь, свои, в лесах... Староверы. Живут по-божески, не как здесь.

– Поймают – запорют насмерть, – мрачно ответил Алек-

сей, но сердце его екнуло. *Свои. По-божески.*

– А здесь помрем. От цинги да палок. Помоги, Алеша. Ты дороги знаешь, караулы.

Алексей долго смотрел в огонь. Вспоминал отца. Вспоминал царя, который назвал его «молодцом». Вспоминал хлюпающую глину и пустые глаза умирающих.

– Ладно, – хрипло сказал он. – Через три дня, в полнолуние. Но если попадетесь – я вас не знаю.

Побег организовал, но уйти сам не смог. Его удерживала не только двойная порция хлеба, а странное, новое чувство – ответственность. За тех, кто остался. За этот проклятый ров, который должен защитить... защитить от кого? От шведов? Или от прошлого, которое тянуло, как трясина?

Тем временем Иван получил от Меншикова приказ: срочно составить смету на постройку «парадных палат» на Городовом (Берёзовом) острове, будущей Петроградской стороне. Светлейший, уже видя себя князем этой земли, хотел дворец.

– Камень нужен, Иван, – говорил Меншиков, попивая венгерское. – Много камня. Указ будет: со всякой подводы, въезжающей в город, брать по камню. И с судов тоже. А рабочих... с севера свези. Из монастырей. Там народ крепкий.

Иван кивал, делая пометки. Он уже научился не думать о цене. Он думал о пропорциях, о фасаде, о том, как поставить здание на зыбкой почве. Так легче было спать по ночам.

Глава шестая. Лето 1704-го.

Ветер с Финского залива иногда приносил отдаленный гул – это гремели пушки под Нарвой. Война была не абстрактным понятием, а звуком и поставками. В Петербург потянулись обозы с ранеными и толпы пленных шведов – суровых, голубоглазых мужчин в изодранных мундирах.

Одного из них, молодого офицера по имени Магнус Грипеншерна, определили к Ивану в помощь как чертёжника. Магнус говорил по-немецки, и Иван, кое-как объясняясь с ним, узнал удивительные вещи: швед считал эти земли своими, называл Неву «Ню» и с тоской смотрел на запад. Он был не враг, а такой же заложник обстоятельств.

– Ваш царь – дикарь, – как-то сказал Магнус, указывая на землянки. – Он строит на костях. Так не строят.

– Ваш король отдал бы эти земли? – резко спросил Иван.

– Нет. Но я бы построил здесь крепость иначе. По науке.

И, к удивлению Ивана, пленный швед стал делать свои расчеты, доказывая, как можно укрепить бастион с меньши-

ми затратами. Враг оказался союзником в главном – в деле. Это озарение было как удар.

Анна, навещая брата, принесла еды и чистых бинтов. Увидев раненого шведа, она без слов принялась перевязывать его воспаленную руку. Магнус смотрел на нее с немым изумлением. В этом жесте не было политики, была просто человечность. Так, через войну, плен и взаимную помощь, рождалось странное сообщество строителей Петербурга – русские, немцы, голландцы, шведы.

Но в лесах близ строек уже гуляли другие шведы – диверсионные отряды, и партизаны-староверы. Беглые, которых вывел Алексей, прибились к одному такому отряду. Федька, ставший ярым противником «антихристового града», уговаривал Алексея, когда тот тайком пробирался в лес для меновой торговли (он менял казенный хлеб на целебные травы у староверов).

– Брат Алексеи! Да присоединяйся! Будем жечь эти верфи, гнать немцев! Здесь Святая Русь кончается!

Алексей качал головой. Он видел, как растет крепость. Видел, как пленные шведы работают рядом с русскими. Его ненависть теряла четкость очертаний. Враг был везде и нигде.

– Я не могу, – говорил он. – Там мои люди. Бросить их –

всё-равно, что убить.

Глава седьмая. Осень 1704-го.

Царь приказал прорубить в лесу на Берёзовом острове просеку – будущую Большую Дворянскую улицу (Петроградская сторона). Иван руководил разметкой. Это была уже не крепость, а город. В его голове складывалась картина: здесь – дом адмирала, там – сад, тут – пристань.

К нему подошел запыхавшийся солдат.

– Господин Горяинов! Беда на кирпичных заводах! Бунт!

На заводах у речки Таракановки (ныне Карповка) стоял смрад и жар. Работные люди, доведенные до отчаяния непосильными нормами и побоями, разгромили контору и связали приказчика. Их вождем оказался все тот же Алексей. Но бунт был не против царя или города, а против конкретного вора-десяцкого, который удерживал у людей пайки.

Когда Иван прибыл с командой солдат, он увидел Алексея, который стоял перед толпой с окровавленным лицом, но спокойный.

– Мы не бунтуем, – сказал он, глядя поверх голов Ивану. – Мы справедливости просим. По указу государеву нам полагается. Этот гад (кивок на связанного приказчика) крал. И бил нас, как скотину.

– Порядок будет наведен, – скрипящим от волнения голосом сказал Иван. – Но разоружитесь. Сейчас.

Он боялся кровопролития. Но Алексей, не сводя с него тяжелого взгляда, первым бросил свою кирку на землю. За ним – остальные. Бунт был подавлен без выстрела. Приказчика отдали под суд. Алексея за подстрекательство – выпороли и бросили в яму на хлеб и воду.

В ту ночь Иван не спал. Он спас людей от пуль, но отправил своего главного работника на муки. Где здесь правда? В указе? В справедливости? В необходимости любой ценой давать кирпич для строек?

Глава восшая. 1705 год.

Новость пришла с юга: в Астрахани взбунтовались стрельцы и казаки. В Петербурге, этом символе новой России, наступило нервное затишье. Усилились доносы. Царь стал мрачнее тучи. Любой намек на недовольство карался жестоко.

Анна, в своем новом доме с видом на Неву, устроила вечер. Собрались иностранные инженеры, молодой священник Феофан Прокопович (уже тогда замеченный царем за острый ум), и несколько русских дворян, пытавшихся говорить по-французски. Обсуждали новости из Европы, успехи в печати книг.

Иван, присутствовавший там, чувствовал себя раздвоен-

ным. С одной стороны – свет, разговоры, будущее. С другой – он знал, что в эту самую минуту Алексей Бражников гниет в яме, а по дорогам в Петербург тянутся новые партии «рабочих людей», пригнанных, как скот.

Магнус Грипеншерн, уже относительно свободно передвигавшийся, тихо сказал Ивану по-немецки:

– У вас, как в Риме. Строят форум, и рабы гибнут в каменоломнях. Но ваш царь – и цезарь, и главный архитектор, и первый раб одновременно. Он сложная загадка.

– Он – Россия, – неожиданно для себя ответил Иван. – Большая, жестокая, торопливая. И мы все внутри него.

Глава девятая. Наводнение. 1705 год.

Оно пришло внезапно. Западный ветер, «моряна», погнал воду из залива в Неву. Река вздулась, перевернула баржи с лесом, смыла первые землянки на берегу. Вода прибывала с чудовищной скоростью, заливая Заячий остров.

Началась паника. Люди карабкались на деревья, на недостроенные стены бастионов. Иван, пытаясь организовать спасение архивов чертежей, увидел, как бушующий поток подбирается к бревенчатому барaku, где содержались заключенные, в том числе и Алексей.

Не раздумывая, он бросился туда. Замок сорвало водой. Внутри, по грудь в ледяной воде, стояли люди, охваченные ужасом. Среди них – Алексей, который пытался высадить ре-

шетку окна.

– Сюда! – закричал Иван. – На стену крепости!

Они вместе, Иван и Алексей, вытаскивали ослабевших, поддерживали их, переправляя к более высокому Государеву бастиону. Вода хлестала, сбивая с ног. В этот момент не было ни подъячего, ни бунтовщика. Были два человека против стихии.

И тут сквозь шум ветра и грохот волн донесся другой звук – рёв трубы и крики гребцов. Из-за мыса вынырнул большой бот. На его корме, в непромокаемом плаще, стоял Пётр. Он лично руководил спасением, бросал в воду канаты, принимал на борт обезумевших от страха людей.

– Держись, черти! – орал он, и его голос, полный ярости и воли, казалось, мог остановить воду. – Мой город не утонет!

Алексей, цепляясь за борт бота, увидел царя в упор. Тот был мокрый, с растрепанными волосами, с лицом, искаженным усилием. Это не был образ с монеты или портрета. Это был человек, рискующий собой. В этот миг что-то в душе Алексея, долго копившееся, дрогнуло и рухнуло. Ненависть не исчезла, но она перестала быть всеобъемлющей. В ней появилась трещина, и в эту трещину пробился луч чего-то иного – уважения? Понимания, что этот титан так же беззащитен перед стихией, как и они все?

Иван, помогая втаскивать людей на бот, встретился взглядом с царем. Петр кивнул ему – коротко, по-деловому. Это был знак высшего признания. И в этот момент Иван понял, что уже никогда не сможет покинуть это проклятое и великое место. Его судьба навеки вписана в эти бушующие воды и глину.

Часть третья: ТВЕРДЫНЯ ИМПЕРИИ

Глава десятая. После потопа. 1706 год.

Наводнение отступило, оставив после себя страшные следы: смытые стройки, трупы утонувших животных, разрушенные запасы. Но дух, вопреки ожиданиям, не был сломлен. Напротив, катастрофа сплотила выживших. Спасенные царем люди работали с удвоенной, истовой энергией. В их глазах появилось новое выражение – не покорность скота, а решимость воинов, отстаивавших свою землю у моря.

Алексей Бражников, после спасения, не был возвращен в яму. Царь, узнав о его роли в эвакуации узников, приказал: «Определить в лоцманы. Глаз острый, характер упрямый – для Невы годится». Так бывший бунтовщик и беглый стрелецкий сын стал Алексей Иванович Бражников, лоцман Адмиралтейского ведомства. Его знание местных вод, течений, мелей, добытое в попытках бегства, стало теперь службой Империи. Он проводил первые торговые суда и военные шнявы по рукавам дельты. Ненависть не ушла, но трансформировалась в суровую преданность делу. Он служил не Петру, а *месту*. Петербургу. Это была его крепость теперь.

Иван Горяинов получил повышение и первую в жизни награду – серебряный рубль с изображением царя. Но ценнее награды было доверие. Ему поручили надзор за восстановлением и расширением Адмиралтейской верфи. Теперь он целыми днями пропадал среди стогов мачт, запаха смолы и звона топоров. Здесь царил свой, особый мир. Работали каторжники, пленные шведы и вольные плотники из Поморья. Язык был общий – язык ремесла. Иван выучил десятки новых слов: «кильсон», «штевень», «ватервейс». Он чувствовал, как под его началом рождаются не просто корабли, а крылья для новой, морской России.

В доме Ван дер Флитов Анна родила сына. Назвали Петром, в честь царя-восприемника. Царь лично подарил младенцу серебряную чашу. Анна, глядя на спящего ребенка, ощущала странный покой. Её жизнь, насильно переломленная, пустила новые ростки. Она учила язык мужа, начала вести дом по-европейски, но по ночам тайком молилась перед старым медным складнем, привезенным из Москвы. Она стала живым мостом, и по этому мосту шел тонкий, но непрерывный обмен: голландская аккуратность и русская душевность, немецкая педантичность и московская хитрость.

Глава одиннадцатая. 1707-1708.

Над молодым городом снова нависла тень войны. Шведский король Карл XII, разгромив союзников Петра в Европе, повернул на восток. На Москву. В Петербурге знали: ес-

ли падет старая столица, их город будет стерт с лица земли. Шведские диверсанты активизировались в окрестных лесах. Один из набегов пришелся на лесную заимку, где Иван организовывал заготовку корабельного леса.

Иван и Магнус Грипеншерн, как раз проверяли планы. Нападение было стремительным. Горстка русских солдат и работников засела в срубе склада. Снаружи, укрываясь за деревьями, шведские драгуны и несколько русских раскольников-пособников требовали сдаться. Среди нападавших Иван с ужасом узнал Федьку, того самого, кого когда-то вывел Алексей.

– Предатели! Немецкие холоуи! – орал Федька. – Смерть антихристову гнезду!

Магнус, бледный, взял мушкет.

– Это мои соотечественники, но теперь они враги моей новой родины, – сказал он твердо. Его «новая родина» была здесь, среди сосен и недостроенных кораблей.

Бой был коротким и яростным. Подкрепление из крепости подоспело быстро. Диверсантов отбили. Федька был ранен и пленен. Когда его вели мимо, он плюнул в сторону Ивана и Магнуса.

– Иуды! Петр вам всем выколет глаза!

На допросе Федька, озлобленный и обреченный, выкрикивал проклятия. Но главное, что он сказал, заставило похолодеть Ивана: «Карл идет на Москву! Он раздавит вашего царя-колдуна! И я буду плясать на пепелище этого Питера!» Угроза стала осязаемой. Весь Петербург замер в тревожном ожидании.

Глава двенадцатая. 1709 год.

Лето выдалось душным. Новости приходили с большим опозданием, и каждая весть сеяла панику или надежду. «Шведы под Смоленском!», «Шведы повернули на Украину!». На верфях работали, стиснув зубы. Алексей Бражников на своем лоцманском боте проводил в Финский залив новые фрегаты, каждый раз всматриваясь в горизонт – не появятся ли паруса шведской эскадры.

Иван, по приказу Меншикова, руководил срочным возведением дополнительных укреплений Кронверка на северном берегу Невы. Светлейший, обычно беспечный, был мрачен и резок. Все понимали – решается судьба.

И вот, в начале июля, на взмыленной тройке в город ворвался курьер. Он не кричал, он выл от усталости и восторга: «ПОБЕДА!!! Под Полтавой! Шведская армия уничтожена! Король ранен, бежал!»

Тишина, наступившая после этого крика, была оглушительной. А потом город взорвался. Загрохотали пушки Петропавловской крепости – не тревожно, а торжественно, салютуя. Люди высыпали на улицы, обнимались, плакали,

стреляли в воздух. Пленные шведы, включая Магнуса, стояли понурившись, но к ним никто не приставал – величие победы было выше мелочной злобы.

На набережной Невы, у Адмиралтейства, Иван стоял, глядя на салютующие вспышки над крепостью. К нему подошел Алексей. Они молча постояли рядом.

– Теперь он наш, – хрипло сказал Алексей, кивая в сторону города.

– Теперь он навсегда, – поправил Иван.

В эту ночь царь, ещё не вернувшийся с театра войны, прислал указ: «Праздновать всенародно и начать строительство Летнего сада для общественного гуляния». Город, бывший военной стройкой, получил право на красоту.

Глава тринадцатая. 1710-1712.

После Полтавы всё изменилось. Петербург перестал быть аванпостом. Он стал столицей. Из Москвы потянулись вельможи, купцы, целые ремесленные слободы. Началась новая, не менее жестокая, эпопея – принудительного переселения. Указы определяли, сколько дворянских семей и купцов какого ранга должны переехать и отстроить дома по «образцовым» проектам. Болота начали осушать, каналы рыть.

Иван Горяинов был переведен в Комиссию городских строений. Его задачей стало превращение хаотичной застройки в регулярный город. Он столкнулся с чудовищным

сопротивлением материи и людей. Помещики отказывались тратиться, купцы хитрили, грунт не держал фундаменты. Он учился быть не только инженером, но и дипломатом, и полицмейстером.

Алексей Бражников, как лучший лоцман, был приставлен к первому большому иностранному кораблю, вошедшему в новый порт – английскому торговому судну. Капитан, выпивая с ним рому, хвалил: «Ваша река сложна, мистер Бражников, но вы провели нас безупречно. В Европе будут знать о вашем городе». Для Алексея это было странным признанием. Его знание, добытое в бегах и страданиях, теперь служило для того, чтобы «Европа знала».

Анна ван дер Флит открыла в своем доме нечто вроде пансиона для молодых русских дворян, желающих обучиться языкам и манерам. Её салон стал известен. Здесь спорили о политике, читали новые книги, переведенные по указу царя, слушали музыку. Здесь Иван впервые увидел будущую «госпожу императрицу» Екатерину Алексеевну – простую и веселую, покорившую сердце Петра. Она очаровала всех своей естественностью после чопорной московской знати.

Но тень прошлого не отпускала. В 1712 году из лесов под Новгородом выловили банду беглых, промышлявшую разбоем. Во главе её стоял обезумевший, но всё ещё фанатичный Федька. На допросе он, узнав, что Алексей служит лоцманом, выкрикнул: «Бражников? Он самый главный предатель! Он отдал наш город антихристу!» Следствие по делу

Федьки задело Алексея. Его снова вызвали в Тайную канцелярию. Старые грехи, казалось, настигали.

Глава четырнадцатая. 1714-1715.

Слава Петербурга росла вместе со славой русского флота. Весть о победе при Гангуте – первой морской виктории России – город праздновал как свое второе рождение. Теперь Балтика была открыта. Алексей, проведя в порт трофейные шведские галеры, чувствовал гордость, в которой уже не было примеси горечи. Он строил не просто город, он строил мощь.

Но вихрь реформ закручивался всё быстрее. Указ о единомосковитии ломал древние устои дворянства. Создание коллегий заменяло приказы. Бороды брели, парики надевали. Иван, теперь уже коллежский асессор, с головой ушел в работу по составлению первого генерального плана Петербурга, который разрабатывал архитектор Доменико Трезини. Он видел будущие широкие проспекты, площади, набережные. Его чертежи становились судьбой тысяч.

В этом водовороте случилась личная драма. Магнус Грипеншерн, получивший помилование и звание инженер-капитана, решил вернуться в Швецию. На прощание он сказал Ивану: «Я везде буду чужой. Там я – пленный, изменивший присяге. Здесь я – чужак. Но этот город – часть меня. Скажи Алексею... что он лучший лоцман, которого я знал».

Отъезд друга оставил в душе Ивана пустоту. Петербург становился больше, а круг близких – меньше.

Тем временем Тайная канцелярия завершила дело о «раскольничьей угрозе». Федьку колесовали. Алексея, после долгих допросов и благодаря заступничеству его начальства из Адмиралтейства (и, как шептались, негласному слову Ивана), оправдали. Но клеймо «сомнительного» осталось. Однажды вечером, уже глубокой осенью 1715 года, Алексей пришел к дому Ивана. Он не зашел внутрь, а ждал у ворот.

– Спасибо, – сказал он глухо, когда Иван вышел.

– Не за что, – ответил Иван. – Ты нужен городу.

– Городу, – повторил Алексей. – Да. Может, и так.

Они снова помолчали, два немолодых уже человека, изуродованных одной эпохой, но выкованных ею же.

– Уезжаю, – неожиданно сказал Алексей. – На Ладогу. Новую верфь ставить. Там нужны глаза.

Иван кивнул. Никаких прощаний не было. Просто кивок. Они были людьми дела. Их дружба, вражда, сложное братство – всё это было вложено в камни и корабли. Слова были лишними.

Глава пятнадцатая. 1716-1718. Тень царевича.

Петербург хорошел. На Невском проспекте выросли ка-

менные здания, в Летнем саду зашумели фонтаны, зазвучала музыка ассамблей. Но под тонким слоем европейского лака клокотали старые страсти. Главной из них стало **дело царевича Алексея**.

В салоне Анны Ван дер Флит тема была запретной, но её обсуждали повсюду. Алексей, наследник престола, бежал за границу, к врагам отца – австрийцам. Для Петра это был удар страшнее любого поражения в бою. Его дело, его «парадиз» отвергал собственный сын, символ старой, ненавистной Москвы.

Иван Горяинов, теперь уже статский советник, видел, как царь изменился. Его ярость стала холодной, методичной. Петр лично участвовал в допросах сообщников царевича. Волна арестов прокатилась по городу. Казалось, тени стрелецких казней вернулись. В воздухе пахло страхом и кровью.

Анна, как-то вечером, призналась брату, запершись в своем кабинете:

– Вчера ко мне приходили из Тайной канцелярии. Спрашивали о муже. О его разговорах с голландскими купцами. Боюсь, Иван. Боюсь, что эта новая жизнь – просто театр. А за кулисами – всё та же темная Русь, с доносами и опалой.

Иван молчал. Он видел, как его чертежи и планы, его прямые проспекты и симметричные фасады существуют в одном измерении. А в другом – бушует первобытный ужас перед государевым гневом. Он строил систему, но система на-

чинала жить своей жизнью, пожирая даже своего создателя.

Глава шестнадцатая. 1718 год.

Парадокс эпохи: в один и тот же год, в одном и том же городе происходили вещи, лежавшие на разных полюсах человеческого духа.

Ивану поручили курировать размещение коллекций в новой **Кунсткамере** на Васильевском острове. Он с изумлением и брезгливостью разбирал ящики с «монстрами» – заспиртованными уродцами, анатомическими препаратами, диковинными раковинами. Рядом с ним работали первые учёные, приглашённые Петром, – анатомы, астрономы. Они говорили о прогрессе, познании, пользе. Здесь рождалась русская наука, свободная от церковных догм.

А в это время в Петропавловской крепости, в застенках Тайной канцелярии, **допрашивали с пристрастием** самого царевича Алексея. Петр, в разорванном от ярости кафтане, лично присутствовал на пытках. Крики доносились даже до Троицкой площади, заставляя прохожих креститься и спешно удаляться.

Однажды, выйдя из Кунсткамеры, Иван столкнулся на набережной с Алексеем Бражниковым, ненадолго вернувшимся с Ладоги. Алексей постарел, осунулся. Он молча смотрел на шпиль Петропавловского собора, который уже вознёсся над городом.

– Слышал? – хрипло спросил Алексей.

– Слышал, – коротко ответил Иван.

– Отец и сын... Мы с отцом моим хотя бы на плахе про-
стились быстро. А это... это хуже.

– Молчи, – резко оборвал его Иван, оглядываясь. – Тебе
же хуже будет.

– Мне? – Алексей горько усмехнулся. – Да мне уже всё
равно. Я Ладогу строю. Там тихо. Только ветер и лес шумят.
А здесь... здесь ваша учёность и ваши пытки рядышком жи-
вут. Удобно.

Он повернулся и ушёл, грузной, морской походкой. Иван
смотрел ему вслед, и в душе его впервые зародилось сомне-
ние не в царе, а в **деле**. Неужели великая цель – Империя,
наука, флот – требует такого нечеловеческого топлива? Или
Петр, победив всех внешних врагов, теперь вынужден сра-
жаться с призраками внутри себя и своей страны, и эта война
без правил калечит всё вокруг?

Глава семнадцатая. 1721 год.

Царевич Алексей умер в крепости. Официально – от уда-
ра. Неофициально – от пыток. Тень этого события навсегда
легла на Петра и его город. Но жизнь, особенно жизнь госу-
дарственная, неумолима.

30 августа 1721 года был подписан Ништадтский мир.

Шведское королевство признало поражение. Россия получила выход к Балтике. Петербург из упрямой мечты стал законной столицей великой державы.

Торжества в городе длились неделями. Но самый главный акт произошёл в Троицком соборе. **Сенат поднёс Петру титул Императора Всероссийского, Отца Отечества и Великого.** Петр принял его. Иван Горяинов стоял в толпе сановников и видел лицо царя. На нём не было радости. Была усталость, ледяная, вселенская усталость, и странная отрешённость. Как будто он достиг вершины горы и увидел, что дальше – только пустота.

В тот же вечер у Анны собрался узкий круг. Были Иван, пара доверенных иностранцев, Феофан Прокопович. Пили за империю. Прокопович, уже автор идеологичного «Правды воли монаршей», говорил пламенные речи о новом Риме на Неве. Иван молчал.

– Что с тобой, брат? – спросила Анна, когда гости разошлись.

– Мы построили империю, – тихо сказал Иван. – А теперь посмотрим, сможем ли мы в ней жить.

Глава восемнадцатая. 1722-1724.

Петр старел. Его железное здоровье было подорвано годами нечеловеческого напряжения, старой лихорадкой, последствиями пьянств. Он стал подвержен приступам чёрной

меланхолии. Но он не мог остановиться. Новые указы сыпались как из рога изобилия: **Табель о рангах**, реформа Синода, Персидский поход.

Иван, теперь один из старожилов города, стал живой легендой и хранителем памяти. К нему приходили молодые архитекторы – Земцов, Мичурин. Он рассказывал им, как всё начиналось: где стояли первые землянки, как вырубали просеку для Невского, как тонули баржи с камнем. Он стал связью между эпохой героического хаоса и временем упорядоченного строительства.

Алексей Бражников на Ладогe построил верфь, которая давала флоту крепкие корабли. Он женился на молчаливой карельской девушке, родил сына, которого назвал... Петром. Ирония судьбы была горькой и полной. Он примирился с прошлым, растворив его в труде и тишине северных лесов. Лишь изредка, глядя на карту, он водил пальцем по извилистой линии Невы и что-то бормотал про себя. Может, считал мели. А может, вспоминал лица тех, кто остался в той, первой, болотной могиле.

Анна овдовела. Ван дер Флит умер от горячки. Она осталась одна с сыном-подростком, русская голландка, или голландская русская. Её салон опустел. Новое поколение – блестящие, самоуверенные «птенцы гнезда Петрова» – предпочитало более весёлые компании. Она посвятила себя переводам и воспитанию сына, в котором сплелись две крови и две судьбы.

Глава девятнадцатая. 1725 год.

Январь выдался лютым. Нева встала, скованная толстым льдом. Петр, уже тяжело больной, объезжал город, смотря на него в последний раз. Говорили, он остановил сани у недостроенного здания двенадцати коллегий и долго смотрел, а потом сказал: «Желаю, чтобы всё было кончено».

Иван Горяинов был среди тех, кого допустили к умирающему императору в Зимний дворец. Петр лежал, мучаясь от боли. Его огромное тело казалось беспомощным. Вокруг толпились вельможи, шептались, ловили взгляды Екатерины, Меншикова. Решалась судьба империи.

Петр открыл глаза. Его взгляд, мутный от страданий, брёл по лицам. Он увидел Ивана.

– Горяинов... – хрипло произнес он. – Кронверк... достроен?

– Достроен, ваше величество, – голос Ивана дрогнул.

– Хорошо... – Петр закрыл глаза. Это были его последние слова, обращённые к своему городу. Он думал о крепости. О деле. До конца.

28 января 1725 года Петра Великого не стало. Над Петропавловской крепостью ударил колокол. Звук, тяжёлый и медленный, поплыл над застывшим городом.

Иван вышел на набережную. Вокруг него люди падали на

колени, рыдали, крестились. Кто-то кричал: «Кого мы лишились!» А он стоял, не чувствуя холода, и смотрел на строгий фасад Адмиралтейства, на шпиль крепости. Царь-плотник, царь-тиран, царь-строитель умер. Но город стоял. **Город стоял.** Он был его памятником, его продолжением, его судьбой.

Эпилог. 1730 год.

Весна. На Невском проспекте снова грязь, но уже цивилизованная, столичная. Кареты вельмож брызгают ею на пешеходов.

Иван Горяинов, уже седой, с орденом Святой Анны на кафтане, медленно прогуливается со своим племянником, сыном Анны, Петром Ван дер Флитом, молодым офицером.

– Дядя, правда, что здесь было сплошное болото?

– Правда. И лес. И волки были.

– А ты его построил?

– Нет, Петя. Его строили тысячи. Одни – потому что верили. Другие – потому что боялись. Третьи – потому что иначе было нельзя. А некоторые... потому что просто некуда было деваться. И из всего этого... получилось вот это.

Он широким жестом обвел панораму: нарядные здания,

стройные линии, Нева, несущая свои воды в Балтику.

– А дядя Алексей, лоцман? Он тоже строил?

– Он? – Иван улыбнулся. – Он город не строил. Он его **по-
нял**. Река, берега, ветра... Он понял его душу. А это, пожалуй, даже важнее.

Они дошли до Летнего сада. Там гуляли дамы в кринолинах, щебетали по-французски. Музыка играла менуэт.

У входа, прислонившись к тумбе, стоял Алексей Бражников. Он был проездом в столицу. Седая борода, лицо, изрезанное морщинами и ветрами. Он увидел Ивана, кивнул. Они сошлись рядом.

– Всё цветёт, – сказал Алексей, глядя на подстриженные липы.

– Всё цветёт, – согласился Иван.

– Помнишь Федьку?

– Помню.

– И царя помнишь?

– Как же не помнить.

Они стояли молча, два старых солдата одной великой и страшной войны, имя которой – Петербург. Позади них шумел город, который они создали и который пережил их царя и переживёт ещё многих царей. Город на костях. Город-мечта. **Их город.**

– Пойдем, – сказал Иван. – Я покажу тебе новый план Васильевского острова.

– Пойдем, – ответил Алексей.

И они пошли по гранитным набережным имперской столицы, два немолодых человека, шаг которых уже не мог угнаться за бегом времени, но чьи твёрдые тени навсегда легли в фундамент этого удивительного, жестокого и прекрасного места – Санкт-Петербурга.

Роман: ЦАРЕВНА И КАПИТАНША

Пролог. Москва, 1689 год.

Терем. Духота ладана и воска, терпкий запах девичьих тел, запертых в шелках. Евдокия, жена, опускает глаза, когда он входит. Речь ее – словно заученный текст из старой книги, каждое слово падает, как пыльная жемчужина. Он чувствует себя медведем в этой позолоте, неуклюжим, готовым все сломать. Ее любовь – долг. Ее страх – благоговение. Здесь все *непотребно естеству*, как он скажет позже. Петр вырывается из терема на ветер, в Немецкую слободу, где пахнет жареным кофе, табаком и свободой.

Часть I:

Слобода пела. Не тягучими монастырскими распевами, а живой, пестрой скрипкой. В доме Монса смеялись, не прикрывая рта рукавом, танцевали, касались руками за карты.

Анна.

Она не встала при его появлении, лишь подняла глаза с лукавой усмешкой. Волосы цвета спелой ржи, не спрятанные под кикой, падали на плечи.

– Ваше величество изволили запыхаться, – сказала она по-немецки, и в ее устах титул звучал как шутка.

Она играла на клавикордах. Петр, привыкший, что музыка – это гимн, впервые услышал, как она может быть легкой, как ручеек. Он коснулся ее руки, поправляя палец на клавише. Кожа была прохладной. Она не отдернулась.

Это было *естественно*. Как взять в руки новый, точный инструмент. Анна стала его путеводителем в мир, где чувства не нужно было хоронить под парчой. Он дарил ей без счета: перстни, ткани, имение. Для него это была не плата, а *естественное* излияние сердца. Он строил для нее дом в Немецкой слободе – свой первый архитектурный проект, полный симметрии и простоты, противопоставленной кривым кремлевским палатам.

Но в ее глазах, таких ясных, он однажды поймал тень расчета. Быстрая, как ящерица. Она исчезла, когда он протянул ей новый бриллиантовый фермуар. Он отмахнулся. Ему нужна была вера в эту простоту.

Великое посольство. Он рвал письма из России, ища строчки ее почерка. Нашел. Письма были полны нежности, но... слишком правильной. Как выученная роль.

А потом пришло известие от его шпионов. Анна и саксонский посланник Иоганн Кенигсек. Предательство.

Он ворвался в ее дом не как любовник, а как царь. Не как ученик, а как судья.

– Где мой медальон? Тот, что с моим изображением? – прогремел он.

Она побледнела. Медальон был утерян. Или подарен.

– Все... все отниму! – выкрикнул Петр, и его голос, лоясь, выдавал не царский гнев, а юношескую боль. – Дом, имение, подарки! Свобода твоя кончилась. Живи здесь, под стражей, как в клетке!

Он ушел, хлопнув дверью. В его душе что-то переломилось, окаменело. Первая школа чувств закончилась. Урок был жесток: то, что он принял за естественность, было хорошо разыгранным спектаклем. Сердце, оказывается, можно купить. И продать.

Часть II:

Война пахла гарью, грязью и кровью. Мариенбург был взят. Добычу делили под пьяные крики. К Меншикову, в его походную ставку, привели нескольких пленниц. Среди них – рослая девица с грязными от сажи руками и удивительно спокойным лицом. Марта. Ливонская служанка, вдова шведского драгуна.

– Бери в прачки, – бросил Петр, зайдя к «Данилычу» выпить.

Он увидел ее снова через неделю. Она мыла пол, двигаясь легко, как крестьянка в поле. Увидела царя – не испугалась, не засуетилась, лишь остановилась, ожидая приказа. Взгляд был прямой, ясный, усталый.

– Как зовут?

– Катюша, – ответила она на ломаном русском.

Он рассмеялся. Просто. Трогательно.

Потом случился приступ. Головная боль, мучительная, знакомая, когда мир сужается до темной пульсирующей точки. Он лежал в палатке, стиснув зубы. Меншиков, растерявшись, послал за Катюшей. «Она, барин, умеет... как-то облегчает».

Она вошла, принесла с собой запах походного хлеба и свежего белья. Не говоря ни слова, села у изголовья. Теплые, сильные пальцы коснулись его висков. Не шептала молитв, не ахала. Просто делала свое дело. Дышала ровно. И боль, отступив, уползла, как живое существо.

Он уснул, прижавшись лбом к ее колену. Это было проще, чем говорить. *Естественнее.*

Она стала его «Катюшей», его «тварью». Он писал ей грубоватые, но полные заботы письма с походов: «...для Бога, приезжай скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпиши, понеже не без печали мне, что ни услышу, ни увижу тебя». В ней не было ни грана светской утонченности Анны. Зато была сила. Сила земли. Она не боялась его буйного нрава – могла обнять, чтобы удержать от гнева, или громко рассмеяться, слушая его соленые шутки. Она разделяла его *естественную* жизнь: могла проскакать с ним десятки верст верхом, не отставая, спала на жесткой постели, ела сол-

датскую кашу.

Часть III:

Теперь она – Екатерина Алексеевна. Приняла православие. Рожала ему детей. Малютки Петры и Павлы умирали один за другим, и это была общая, немудреная, дикая печаль, которую они переживали молча, крепко держась за руки в темноте. Она стала его тихой гаванью.

Но главная буря была впереди. Царевич Алексей. Измена сына, худшее из предательств. Петр метался по кабинету в Петербурге, сокрушая все на своем пути. Никто не смел войти. Только она.

Она вошла без стука, в простом чепце, с кружкой горячего сбитня.

– Уйди! – зарычал он.

– Выпьешь – тогда уйду, – сказала она просто, как говорила с ним всегда.

Он отшвырнул кружку. Она, не моргнув, подобрала осколки, вытерла пол, принесла другую. И села в углу, молча. Ее присутствие было не навязчивым, а плотным, как стена. Он рухнул в кресло, закрыв лицо руками.

– Он... сын мой... весь труд мой... в грязь...

– Ты жив, – сказала она тихо. – Россия жива. И я с тобой.

Это не были слова утешения. Это был факт. Такой же неоспоримый и *естественный*, как то, что трава зелена.

А потом – Прутский поход. Полное окружение. Гибель казалась неминуемой. В душной палатке турецкого визиря Петр, уже готовый на худшее, отчаянно торговался. Цена была неподъемной. И тогда Екатерина, не спрашивая, сняла с себя все драгоценности: подаренные им бриллианты, скромные свои серьги. Собрала у офицеров их личные ценности.

– Отдай все, – сказала она посланнику. – И скорей.

Ее сокровища, *естественное* богатство любой женщины, пошли на подкуп. И армия была спасена. Он смотрел на нее, загорелую, в запыленном платье, и видел не «тварь», не любовницу, а царицу. Соратницу. Ту, что разделит с ним не только постель, но и рок.

Часть IV:

Москва, 1724 год. Неслыханное действо – коронация императрицы. Не царской крови, а пленницы из Мариенбурга. Он возложил на ее голову корону, тяжелее своей. Это был апофеоз. Признание. Венец их *естественного* союза, выко-

ванного в огне.

А тень пришла почти сразу. В лице красавца камергера Виллима Монса. Брата Анны.

Дело о взятках раскрылось легко. А потом доносы: взгляды, долгие разговоры, особая милость императрицы к молодому Монсу. Старая рана, зарубцевавшаяся было, разверзлась снова. Призрак первой, самой горькой измены, вернулся в его дом.

Петр стал холоден, как лед. Он вел следствие лично. Допросы, пытки. Доказательств связи, не нашли. Но факт особой близости, фавора – был.

Монса казнили. Голову на кол.

И тогда Петр приказал запрягать карету. Он вошел к Екатерине, бледный, с горящими глазами.

– Поедем.

– Куда?

– Увидишь.

Он привез ее к стеклянному сосуду, где в спирту плавало лицо Виллима Монса. Мертвые глаза были открыты. Похожи на Аннины.

– Вспомни, – сказал Петр хрипло. – Вспомни, как началось.

Она смотрела не на голову, а на него. В ее глазах не было страха. Была бесконечная усталость и... жалость.

– Я помню все, Петруша, – тихо сказала она. – И Мариенбург, и Прут, и наших мертвых деток. Помню. А это... – она кивнула на сосуд, – это просто тень. От которой ты не можешь убежать.

Он отвернулся. Стена между ними выросла ледяная и прозрачная. Они жили в одном дворце, как два одиноких острова.

Он умирал через несколько месяцев. Страшные боли. Она не отходила, вытирала пот, поправляла подушки. В последние минуты он пытался что-то сказать, написать. Рука не слушалась.

– Отдать... все... – прошептал он.

И жест его ослабевшей руки был недвусмысленным – слабый взмах в ее сторону.

Она взяла его огромную, изувеченную трудами руку и прижала к щеке. Не плакала. Ее любовь прошла путь от плена до короны, через огонь, тень и лед. И до конца оставалась единственным *естественным* и незыблемым фактом в его неистовой, сломанной и великой жизни.

Глава 5:

Боль была тираном, вытеснившим всех остальных. Она правила в его огромном теле, сжимая мочевой пузырь в стальных тисках, пульсируя в висках. Лекари, с их пиявками и припарками, стали жалкими шутами при этом новом государе – Страдании.

Екатерина не пускала их к нему надолго. Она сама меняла промокшее от пота белье, сама подносила отвары из любимых им трав – мяты и ромашки. Ее руки, некогда столь сильные и ловкие, теперь лишь гладили его пальцы, узловатые от артрита и вечной работы. В этой комнате пахло болезнью, лекарствами и ее несгибаемым, молчаливым присутствием.

Он бредил. Воскрешал призраки.

– **«Полтава!.. Врагу не сдастся...»** – выкрикивал он хрипло, и его рука сжималась, будто держала палаш.

– **«Лефорт... Друг...»** – и слеза, редкая и жгучая, ска-

тивалась в седую щетину.

– **«Вор... Изменник...»** – это про сына. Про Алексея. Тень вечной боли.

Однажды ночью он открыл глаза. Боль отступила на мгновение, уступив место ледяной, пронзительной ясности. Он увидел ее лицо, освещенное тусклым светом лампы. Лицо состарившееся, с морщинами усталости у глаз, но твердое. Не то лицо, о котором мечтают юноши. То лицо, которое помнят умирающие солдаты – лицо последнего товарища.

«Катенька...» – выдохнул он. Это был не царский приказ, не ласка. Это было констатация факта. Фундаментального, как гранит невских берегов. Она здесь. Все.

Он попытался что-то сказать. Двинул пальцами в сторону стола, где лежали бумаги, перо, государственная печать. *Завещание*. Кому? Петру-внуку, еще младенцу? Или... ей, сидящей здесь, единственной, кто прошел сквозь весь ад и славу его жизни?

«Отдать... всё...» – прошипели его губы.

Голос пропал. Но рука – та самая рука, что рубила бороды и подписывала указы о новой академии, – дрогнула и сделала слабый, но отчетливый жест. Не к столу с бумагами. А к ней.

В сторону ее колен, на которых когда-то засыпал от мигрени молодой царь.

В сторону ее сердца, которое билось ровно и упрямо.

Она поняла. Не закон, не указ. Жест. Последний жест своего Петруши. Жест хозяина, передающего ключи хозяйке. Жест капитана, оставляющего корабль единственному, кто знает каждую его балку, выдержавшему с ним каждый шторм.

Она наклонилась, взяла его ладонь и прижала к своей груди, к теплу под простым шерстяным платьем.

– **«Спи, мой свет. Все будет сделано. Как ты велел».**

Он смотрел на нее. Взгляд уже терял фокус, уходя куда-то внутрь, в небытие. Но, кажется, в его глазах на миг мелькнуло то самое, давно забытое выражение – не государя, не строителя империи, а человека, нашедшего наконец покой. *Естественный* конец. Не на троне, а на руках у женщины, которая была ему и служанкой, и любовницей, и женой, и императрицей, и – просто *своей*.

Его дыхание оборвалось тихо, как обрывается нить.

Молчание в комнате стало иным. Оно больше не было напряженным ожиданием. Оно стало полным, тяжелым, как свинец.

Екатерина не закричала. Не упала в обморок. Она медленно опустила его руку, закрыла ему глаза своими пальцами. Потом поднялась. Вошла в зал, где в тревожном молчании уже собрались сенаторы, гвардейские офицеры, Меншиков.

Она стояла перед ними, прямая и бледная, в том же про-

стом платье, пахнущем лекарствами и смертью. В ее руках не было завещания. Была только тишина после бури.

– **«Император Петр Великий... преставился»**, – сказала она четко, и голос ее не дрогнул. – **«Он оставил Россию... мне. Своей жене. Вам же – служить ей, как служили ему»**.

И тогда грянуло. Не присяга, сначала. Грохот барабанов Преображенского полка под окнами. Выкрик унтер-офицера:

– **«Матушку Екатерину в императрицы! Кто за?»**

Громовое **«Ура!»**, потрясшее стены дворца, было ее настоящей коронацией. Не церковной, не юридической. Солдатской. *Естественной*. Преображенцы и семеновцы, его «потешные», голосовали штыками и криком за ту, которую он когда-то привез из похода как свою «трофейную капитаншу».

Она стояла, слушая этот рев, и смотрела в окно на снег. Видела в нем не Петербург, а вспоминала снег под Мариенбургом, и молодого царя, смеющегося от того, как она ловко управляется с котелком. Их путь был пройден до конца.

Эпилог (1727 год)

Она правила недолго, два года. Управляла через Меншикова, вспоминая советы Петра, но уже без его чудовищной энергии. Иногда, в тишине своего кабинета, она доставала из ларца две вещи. Первая – грубый, потемневший от време-

ни солдатский нательный крестик, ее единственное достояние в 1703 году. Вторая – изящная, усыпанная бриллиантами табакерка – подарок Анны Монс, когда-то конфискованный Петром и позже подаренный Екатерине «на память».

Она смотрела на них, лежащие рядом на бархате. Две любви. Две России.

Одна – блестящая, легкая, заимствованная, предавшая.

Другая – простая, грубая, выстраданная, верная до гроба. Она взяла в руки крестик, тяжелый и теплый от ладони.

«Вся его жизнь была как выбор между табакеркой и этим, – думала она. – Сначала потянулся к блеску. А потом... нашел опору. В нас. В земле. В простой силе».

Она умерла спокойно, оставив трон внуку Петра. Но ее короткое царствование навсегда закрепило династический переворот, совершенный ее мужем. Отныне на русском престоле могла оказаться не только царская кровь, но и **заслуга**. Заслуга перед человеком, который был Россией. И заслуга любви, прошедшей через огонь, воду и медные трубы истории, чтобы стать ее последним и самым человеческим указом.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: ВЕЛИКИЙ. ОТЕЦ. ПАТРИАРХ.

Глава двадцатая. 1696 год.

Чтобы понять Петра-императора, нужно было видеть Петра-юношу. В нашем романе эту память хранил старый сол-

дат, денщик царя, а теперь – сторож при Летнем саде, Федот Мошкин. Сидя у костра с Иваном Горяиновым (который записывал его рассказы для будущей истории), он хрипел, попивая квас:

– **Азов...** Это ж было дело! Государю-то двадцать четыре года всего. А упрямство – как у быка. Первый поход, 95-го года – осадили, да не вышло. Турки с моря гарнизон снабжали. Наши генералы носы повесили. А он – нет. Зимой в Воронеже **флот** строить начал! Я, дурак, думал: на реке корабли – смех один. А он... Он сам с топором. Бородой себе по пальцам стругал, но доску ровно прилаживал. Все, от бояр до плотников, мылись потом. А он орал: «Для России! Для моря!»

Иван представлял это: молодой, двухметровый царь в рабочем кафтане, с лихорадочным блеском в глазах, среди опилок и смолы. Не государь, а главный мастеровой. Но с волей, способной сдвинуть горы.

– И поплыли? – спрашивал Иван.

– Поплыли! Весна 96-го. Эскадра наша, хоть и речная, к Азову подошла. Турки глазам не верят – откуда у москвитов корабли? Мы с суши бьем, с моря блокируем. И... сдался Азов! – Старик ударил кулаком по колену. – Первая **победа**. Первая твердыня на южном море взята. Тогда я и понял: этот царь не как все. Он не ждет, он делает. И море ему покорится.

Эта история, рассказанная у костра, стала для Ивана ключом. Все последующие победы – не случайность, а система. Петр научился побеждать, сначала потерпев поражение.

Глава двадцать первая. 1702-1708. Две ипостаси: Бомбардир и Катеринушка.

Петр существовал в двух измерениях. Иван наблюдал это своими глазами.

Измерение первое: Война. Олонецкие верфи, 1702 год. Царь в простом кафтане артиллерийского капитана (бомбардира) руководит спуском на воду фрегатов для будущего штурма **Нотебурга** (старой русской крепости Орешек). Он в ярости, обнаружив брак в оснастке. Мастер-голландец пытается оправдаться. Петр, не говоря ни слова, хватает топор и одним ударом отрубает конец некачественной снасти.

– Видишь? – обращается он к потрясенному Ивану, впервые попавшему в свиту. – **Гниль!** Она в малом начинается. Дай ей волю – корабль разобьется, крепость не возьмешь, государь развалится. Бди! За всем бди сам!

Затем – **штурм Нотебурга**. Непрístupная твердыня на острове. Кровопролитный, отчаянный приступ длится 13 часов. Петр не в тылу. Он на ближайшем острове под огнем, лично направляя переправу и наблюдая в подзорную трубу. Когда приходит донесение о страшных потерях и предложение отступить, он пишет знаменитую записку: «**Петру от**

Бога вручена Россия. Прочее все в руце Божией. Предлагаю вам на волю: или крепко стоять, или отступить. Но последнее гибель всему труду будет.» Шереметев, получив её, бросает в бой последние резервы. Крепость пала. Петр переименовывает её в **Шлиссельбург** – «Ключ-город». Он держит в руках ключ к Неве.

Измерение второе: Женщина. В той же походной ставке, в дыму пороха, Иван впервые увидел **Марту Скавронскую** – будущую императрицу Екатерину. Она была не красавицей, но в ней была через край жизненная сила. Петр, только что грозный и уставший, преображался рядом с ней. Он называл её **«Катеринушка, друг мой сердешненькой»**.

– Видишь, Горяинов, – как-то сказал он, наблюдая, как та ловко штопает его разорванный в бою мундир. – Она – мой **тыл**. В ней – тепло, которого мне вечно не хватает. Она не боится ни пушек, ни моей ярости. Она проста. А в простоте – сила.

Иван видел: это была не просто любовница. Это была его пристань, его единственное место, где он мог быть просто человеком, а не иконой или бичом. Их связь была грубой, плотской, но невероятно прочной. Она гасила его приступы «черной меланхолии», когда царь по неделям лежал, устав в стену, не в силах двинуться.

Глава двадцать вторая. 1711 год. Прутский поход:

катастрофа и чудо.

Великие победы часто рождаются из горьких поражений. **Прутский поход** против турок стал для Петра ловушкой. Армия, численно уступающая, окружена у реки Прут. Жара, болезни, нехватка воды. Турецкие янычары готовятся к последнему штурму. Катастрофа, которая могла перечеркнуть все достижения, неминуема.

В палатке главнокомандующего царило мрачное молчание. Петр, с лихорадочным блеском в глазах, писал указ в Сенат: **«Если я погибну, вы не должны считать себя связанными данной мне присягой... Избрать достойнейшего.»** Он был готов к смерти и плену.

И тут в палатку вошла Екатерина. Не просительницей – союзницей.

– Друг мой, – сказала она просто. – Отдай мне все свои драгоценности и золото. И позволь попробовать договориться.

Иван, бывший в той ставке, видел, как она, без охраны, отправилась в лагерь турецкого визиря. Не как царица, а как умная и решительная женщина. Она не умоляла – она вела переговоры. Подкупила визиря и его приближенных всеми ценностями Петра (по легенде, даже своими украшениями), сумела сыграть на нежелании турок затягивать кампанию. И – выторговала почётный мир. Армия была спасена. Ценой возврата Азова, но с сохранением всего главного – армии,

царя, надежды.

В ту ночь Петр, вернувшись из плена, не говорил о политике. Он обнял Екатерину, и на глазах этого железного человека блеснули слезы.

– Ты спасла не меня. Ты спасла Россию, – прошептал он.

С этого дня её статус стал иным. Из фаворитки она превратилась в **спасительницу и будущую императрицу**.

Глава двадцать третья. 1714-1721. Созидатель: от Гангута до Академии.

Победы Петра – не только на полях сражений. Его главные битвы были за умы и быт.

На море: Гангут, 1714. Алексей Бражников, находившийся тогда на вспомогательной галере, позже рассказывал Ивану:

– Видели бы вы его! На шканцах флагманского корабля стоит, ветром обдуваемый. Шведский флот сильнее, корабли больше. А наш государь – как каменный. Отдал приказ: **«В абордаж! На рукопашную!»** И мы, на утлых наших галерах, как волки, накинулись на их линейные корабли. Лезли на борта, рубились в тесноте. Он ликовал потом! Кричал: **«Русский мужик, когда надо, и на море одолеет!»** Первая крупная морская победа. Ключ к Балтике был вырван.

На земле: Указы. Иван, как чиновник, чувствовал их

ежедневную тяжесть и гениальность.

Табель о рангах (1722): Ломала древнюю систему местничества. Теперь не род, а **заслуги** определяли положение. Сын конюха, выучившись, мог стать дворянином. Это вызвало ропот знати, но вдохнуло невероятную динамику в государственный аппарат.

Основание Академии Наук (1724): Петр приглашал лучших умов Европы – математиков, физиков, историков. «**Чтобы науки расплодились,**» – говорил он. Иван присутствовал на первых заседаниях. Царь, с трудом понимая сложные термины, слушал с жадным интересом ребенка. Он строил не только флот, но и **фундамент русской науки**.

Борьба с бородами и длинными кафтанами: Казалось бы, мелочь. Но для Петра это был символ. Он боролся не с волосами, а с **косностью**. «Я желаю преобразить светских козлов, как видал и слышал я в чужих краях», – говорил он. Боярин в немецком кафтане и без бороды – уже не совсем боярин. Это был психологический удар по старой Руси.

Глава двадцать четвертая. 1723 год. Любовь и Боль: дело Виллима Монса.

Даже в зените славы личная жизнь Петра оставалась минным полем. **Виллим Монс**, брат давней фаворитки Петра Анны Монс, камергер и секретарь Екатерины, был заподозрен в казнокрадстве и, что хуже, в связи с императрицей. Следствие вел лично Петр. Это был удар в самое сердце.

Иван видел царя в те дни. Тот был страшен. Не яростен, а

ледяно-спокоен. Любовь и доверие, столпы его личной вселенной, дали трещину. Монса арестовали, судили и казнили за взяточничество. Его отрубленную голову, по легенде, Петр приказал заспиртовать и поставить в спальне Екатерины – жуткий символ предательства и наказания.

Но императрицу он не тронул. Любовь, переплетенная с государственной необходимостью и личной привязанностью, оказалась сильнее. Однако тень легла на их отношения навсегда. Петр стал еще более мнителен, еще более одинок в своем величии.

Глава двадцать пятая. 1724 год. Коронация Императрицы.

Ирония судьбы: человека, заподозренного в измене, он казнил, а женщину, из-за которой всё случилось, – возвел на недостижимую высоту.

Коронация Екатерины Алексеевны как правящей императрицы в Успенском соборе Москвы была беспрецедентным актом. Ни одна русская царица до неё не короновалась. Петр, уже тяжело больной, лично возложил на её голову императорскую корону, которую сам и заказал – ослепительную, стоившую целое состояние.

Иван, стоя в толпе придворных, видел в этом последний, величайший парадокс Петра.

– За что? – шептал стоящий рядом царедворец. – После истории с Монсом...

– Именно поэтому, – тихо ответил Иван, наконец поняв. – Это не прощение. Это **утверждение**. Он показывает всем – и ей, и России, и миру – что его воля непреклонна. Что она – часть его дела. Что даже его личная драма не важнее государственного интереса. Он создает династию. Он делает её символом преемственности. Он любит её и ненавидит, нуждается в ней и не доверяет. Но он – Царь. И он решил так.

В этом жесте сошлось всё: и титаническая воля, и государственный гений, и глубокая, израненная человеческая страсть. Петр Великий возвел на трон ту, без которой, как он знал, он бы не выстоял. Это был его последний великий указ – указ своему сердцу и своей империи.

В следующей части (финальной) мы увидим последние месяцы жизни Императора, его размышления о судьбе России, прощание с городом и итоговый диалог с нашими героями, которые из юношей стали старцами, а из строителей – хранителями легенды. Петр уйдет, но Петербург, Флот, Академия, Империя – останутся. Как и память о Царе-Плотнике, который «прорубил окно» не только в Европу, но и в будущее.

продолжаем...

Превосходно. Мы приближаемся к финалу, где личная драма Петра, судьбы героев и будущее Империи сплетаются

в один узел.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: ПРОЩАНИЕ С ТИТАНОМ

Глава двадцать шестая. Осень 1724. Спаситель утопающих.

Петербург тонул. Осенние шторма и нагонная волна снова обрушились на низкие берега Васильевского острова, где шла отчаянная стройка под руководством Доменико Трезини. Набережные были ещё земляными, и хлипкие бараки рабочих смывало в Неву как щепки.

Иван Горяинов, уже немолодой и страдающий от болей в спине (вечная память о сырой глине первых лет), руководил эвакуацией архивов из недостроенного здания Двенадцати коллегий. Внезапно к нему подбежал запыхавшийся курьер от Меншикова:

– Его величество здесь! На Лахте! Спасает людей с разбитой лайбы!

Иван не поверил. Государь, чьё здоровье было всем известно предметом тревоги, в такую погоду? Он приказал подать лодку.

На мелководье у Лахты картина была библейской. Небольшое грузовое судно, идущее из Кронштадта, выбросило на мель и начало разламывать волнами. Матросы и солдаты цеплялись за обломки в ледяной воде. И среди них, по пояс в

пене, возвышалась могучая, но уже согбенная фигура Петра. Он не командовал, а **работал**. Передавал на руках в шлюпку обессиленного матроса, сам тянул канат, его знаменитый голос, теперь хриплый, ревел сквозь шум ветра: «Держись, брат! Сюда! Живей!»

Иван застыл, забыв о дожде и ветре. Он видел не императора, а того самого капитана-бомбардира, который не бросал своих. Даже сейчас, когда каждая кость, измученная подагрой и старыми ранами, кричала от боли. Петр провел в ледяной воде несколько часов, пока последнего человека не доставили на берег. Когда он, весь синий от холода, дрожащей рукой опираясь на плечо денщика, выбирался на сушу, Иван увидел его лицо. На нём не было усталости от власти. Было простое, человеческое изнеможение и странное удовлетворение.

«Ваше величество, зачем же сами... можно было бы...» — начал было Иван.

Петр обернулся, и в его запавших глазах вспыхнул знакомый огонь: «Горяинов? А что, твоих чертежей они держаться должны? Это **мои** люди. Мои моряки. Я их на эту службу призвал. Значит, я и вызволять должен». Он откашлялся, и кашель был глубоким, болезненным. «Кости... кости грею. Лучшее лекарства нет».

Эта сцена облетела город. Одни качали головами: безрассудство. Другие, особенно простой народ и солдаты, говори-

ли иначе: «Царь-батюшка за нас, за маленьких, жизнь свою кладет». Алексей Бразников, узнав, молча перекрестился. Для него, старого моряка, этот поступок значил больше всех указов. Царь разделял их долю до конца.

Глава двадцать седьмая. Декабрь 1724. Боль и воля.

Простуда, схваченная при спасении утопающих, перешла в воспаление. Но не это было главным. Старая болезнь – уремия, воспаление мочевых путей, – мучила Петра годами. Теперь она обострилась до нестерпимого. Приступы боли были таковы, что даже его железная воля не могла скрыть стонов. Лекари были бессильны.

Однако Царь не сдавался. Он продолжал править из спальни в Зимнем дворце, превратившейся в канцелярию. Иван был вызван для отчета о плане застройки Васильевского острова. Он застал Петра в кровати, под горами карт и бумаг. Лицо императора было серым, испещренным морщинами боли, но глаза, острые и живые, смотрели на чертежи с прежней интенсивностью.

– Горяинов... Вот тут, у Стрелки, – Петр тыкал костлявым пальцем, – не каменные ряды, а **порт**. Торговый порт. Чтобы корабли со всего света тут швартовались. Понимаешь? Город должен **жить** торговлей, не только штыком... – Он закашлялся, долго и мучительно. Выпив воды, продолжил тише: – Академию... наблюдай за академией. Немцы будут ворчать, что им жалованье не платят. Плати. Ум – дороже пушек.

Вдруг его взгляд стал отрешенным. Он смотрел не на Ива-

на, а сквозь него, куда-то вдаль.

– Всё начал... а кончить не успею, – прошептал он, и в голосе прозвучала непривычная нота сомнения. – Будет ли... крепко?

Этот миг слабости, исповедальности, увиденный Иваном, потряс его больше любой царской ярости. Титан сомневался в прочности своего детища.

Глава двадцать восьмая. Январь 1725. Предсмертная воля.

К середине января стало ясно – конец близок. Боль была ужасна. Петр кричал так, что слышно было в соседних покоех, а потом впадал в забытие. В минуты просветления он требовал бумагу и пытался писать. Но рука не слушалась. Из-под пера выходили лишь каракули и одно, раз за разом выводимое слово: «**Оставьте...**» Историки потом гадали: «Оставьте всё»? «Оставьте меня»? «Оставьте Россию в покое»?

В последний день, 27 января, боль отступила. Наступила странная ясность. Петр потребовал позвать Екатерину, Меншикова, нескольких сенаторов и... свою старшую дочь Анну Петровну. Иван, как доверенное лицо по строительным делам, также оказался в числе допущенных – стоял у дверей, не смея дышать.

Петр лежал, глядя вверх. Его голос был тих, но каждое слово падало, как молот.

– Катериноушка... – Он взял руку жены. – Тебе... тяжело будет. Но держи... как я держал.

Потом он перевел взгляд на Меншикова. Глаза их встретились – царя и его некогда всесильного фаворита, соратника и казнокрада.

– Алексашка... Ты много брал. Служи... ей. Или... – Он не договорил, но в комнате стало холодно. Меншиков упал на колени, рыдая.

Затем Пётр посмотрел на Анну, умную, красивую, «европейскую» дочь.

– Ты... за границу. Замуж. Связи... России нужны связи... – Он понял, что говорит о дочери как о разменной монете, и на миг глаза его наполнились тоской. – Прости...

Последним его взгляд, блуждавший по комнате, упал на Ивана. Царь, казалось, с трудом вспоминал, кто это.

– Горяинов... – прошептал он. – Город... береги. Он... мое завещание.

Больше он не говорил. К ночи началась агония. 28 января, в шестом часу утра, Пётр Великий, первый Император Всероссийский, испустил дух. Последним движением его руки, как заметили присутствующие, было попытка что-то начер-

тить на простыне. Может, контур корабля. Может, план крепости.

Глава двадцать девятая. Февраль 1725. Империя без Императора.

Город замер. Нева, казалось, текла медленнее. Колокол Петропавловского собора бил мерно, тяжело, бесконечно. Люди толпились на улицах, не зная, что делать. Страх за будущее был сильнее скорби.

В Сенате кипели страсти. Старая знать – Голицыны, Долгорукие – роптала. «Баба на троне! Немка!» Но Меншиков, опираясь на гвардию Преображенского и Семеновского полков, вывел под окна дворца солдат. Грохот барабанов и стройные ряды штыков были красноречивее любых слов. **Екатерина I была провозглашена правящей императрицей.** Воля Петра, хоть и не оформленная письменно, свершилась силой тех, кого он создал, – новой армии и новых людей.

Иван Горяинов стоял на похоронах в ещё недостроенном Петропавловском соборе. Гроб был установлен под временным балдахином. Рядом с ним, в парадном мундире лоцман-капитана, стоял Алексей Бражников. Они не смотрели друг на друга. Смотрели на гроб.

– Кончилось, – хрипло сказал Алексей.

– Нет, – так же тихо ответил Иван. – Он кончился. Оно – только начинается.

Он думал о городе, о флоте, об Академии, о прорезанных проспектах. О том, как воля одного человека влилась в камни, в уставы, в привычки. Как она стала судьбой. Уйти такому человеку было невозможно. Он растворялся в своем творении.

Глава тридцатая. 1727 год. Эпилог. Наследники.

Прошло два года. Иван Горяинов вышел в отставку в чине действительного статского советника. Он жил в небольшом каменном доме на Васильевском острове, который построил себе по собственному проекту. К нему часто приходили: молодой архитектор Михаил Земцов – советоваться о планах, ученый из Академии – обсудить чертежи обсерватории.

Однажды к нему зашел Алексей Бражников. Он был проездом из Кронштадта, седой, с лицом, выветренным морскими штормами.

– В Ладугу больше не вернусь, – сказал он просто. – Сына там оставил, он справится. А я... здесь помру.

– И я, – кивнул Иван.

Они вышли на набережную Невы. Был белый ночи начало. Неяркое, размытое солнце висело над Финским заливом. По реке шли корабли под торговыми флагами Англии, Голландии. Звенели якорные цепи у порта. С бастионов Петропавловки стреляла пушка, отмеряя полдень.

– Помнишь, как начиналось? – спросил Алексей.

– Глина. Холод. Смерть.

– А теперь?

Иван обвел взглядом панораму: стройный шпиль, прямые линии дворцов, гранитная оправа реки. Город шумел, жил, рос. В нём была и его мысль, и сила Алексея, и кровь тысяч неизвестных работных, и ярость стрельцов, и гений пленных шведов, и несгибаемая воля того, кого уже не было.

– А теперь – **Россия**, – сказал Иван Горяинов. – Та, что будет. Он её таким выдумал. Не идеальной. Жестокой. Сложной. Но – сильной. И – нашей.

Они стояли молча, два старика у гранитной парапеты, глядя, как по водам, отвоеванным у шведов, плывут корабли в будущее, которого они уже не увидят, но к которому приложили свои руки, свои жизни, свою эпоху.

Великий город стоял. Империя жила. А значит, и Царь – был жив.

КОНЕЦ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ИСПЫТАНИЕ СТИХИЕЙ. 1705–1709 ГОДЫ (продолжение).

ГЛАВА 9. 1706 ГОД. НОВЫЙ БЕРЕГ.

Наводнение отступило, оставив после себя зловонное месиво из сломанных бревен, мертвой рыбы и ила. Но стройка, как заведенный часовой механизм, продолжилась. Петр,

обозревая убытки, лишь стиснул зубы: «Вода учит. Значит, выше насыпать. Крепче бить сваи».

Алексея Бражникова не выпороли вторично. Его поступок во время потопа заметили. Десятник Свист, не глядя в глаза, пробурчал: «Царь-батюшка приказал – ты теперь к лоцманской команде. Гребь да фарватер знай. Шведов по реке водить будешь».

Так Алексей сменил заступ на весло. Его шлюпка, длинная и верткая, стала исследовать протоки дельты, отмечать мели кольями с ветошью. Его природная зоркость и память на изгибы берега оказались ценнее грамоты. С ним был приставлен молчаливый солдат с мушкетом, но главным надзором стала сама река – коварная, меняющая фарватер после каждого шторма.

Однажды в его лодку посадили пленного – того самого Магнуса Грипеншерна. Швед сидел на носу, гордо выпрямив спину, и смотрел на болота с холодным презрением.

– Вези к Гутуевскому острову, – бросил Алексей, ударяя веслом о воду.

– Ты знаешь, что там мель? – вдруг сказал Магнус на ломаном русском.

– Знаю.

– Тогда зачем? Чтобы я сел на мель и ты мог надо мной

смеяться?

Алексей обернулся. В глазах шведа он увидел не страх, а профессиональное раздражение.

– Мель справа. А мы пойдем левой протокой. Глубже.

Он ловко провернул весло, шлюпка юркнула в узкий проход между тростниками. Магнус невольно ахнул, увидев чистую воду.

– Ты... хорошо знаешь реку.

– Она живая, – хрипло ответил Алексей. – Утром одна, к вечеру – другая. Как человек.

Молчание после этих слов стало другим. Уже не враждебным, а тяжелым, размышляющим. На обратном пути Магнус показал на берег, где сотни людей таскали землю в корзинах: «У вас нет правильных машин. Так строили египтяне пирамиды».

– А у вас? – спросил Алексей, неожиданно для себя самого.

– У нас? – Магнус горько усмехнулся. – У нас есть король, который считает, что война – это слава. А эта грязь – бес-

славы. Он не понимает, что ваш царь здесь, в грязи, строит свою будущую славу. И, возможно, наше поражение.

Алексей ничего не ответил. Но той ночью, глядя на тлеющие угли костра, он впервые подумал не о мести, а о странной силе этого места. Оно ломало всех. И стрельцов, и бояр, и пленных шведских офицеров. И рождало из обломков что-то новое, незнакомое.

ГЛАВА 10. 1707 ГОД.

В канцелярию Каменных дел пришло письмо. Не указ, а частное письмо от инженера Корчмина из Москвы. Иван Горяинов читал его при тусклом свете сальной свечи, и пальцы его похолодели.

«...Царевич Алексей Петрович пребывает в великом унынии и страхе пред родительским гневом. Беседы его опасны и сумрачны, помышляет более о спасении души, нежели о пользе государственной. Отец же, видя в сем не раба Божия, а врага своего дела, ярится пуще прежнего...»

Иван отложил лист. Перед ним стоял чертеж новой слободы для адмиралтейских служителей – ровные линии, идеальные квадраты. Порядок. Разум. А там, в старой Москве, трещала по швам главная скрепа этого порядка – сыновнее послушание. Для него, выросшего в семье, где отец был неоспоримым авторитетом, это было крушением не просто политики, а мироздания.

Вечером в салоне Анны царило напряженное оживление. Говорили о победах, о новом флоте. Но когда разговор кос-

нулся воспитания юношества, молодой проповедник Феофан Прокопович, поправляя белоснежные манжеты, произнес тихо, но отчетливо:

– Государь есть Отец Отечества. А если сын Отечества становится в противность истинному Отцу? Тогда он – не сын, а исчадие. И любовь отеческая должна быть сурова, дабы спасти не чадо порочное, но само Отечество от растления.

В воздухе повисла ледяная тишина. Все поняли, о ком речь. Анна побледнела и беспомощно посмотрела на брата. Иван увидел в глазах Феофана не фанатизм, а холодную, выверенную логику государственной машины. Эта логика была страшнее любой ярости Петра.

На следующий день, встречая на стройке Алексея Бражникова, который докладывал о новых промерах, Иван вдруг спросил:

– Алексей... а ты отца помнишь?

Тот нахмурился, почуяв подвох.

– Помню. Руки у него были большие, в смоле. И пел он хорошо, запоем.

– И любил он тебя?

– По-своему, видно, любил. Порол, чтобы умнее был. А потом... его самого пороли, да до смерти.

– Простил бы ты его? – сорвалось у Ивана.

Алексей долго смотрел на серую воду Невы.

– Не за что прощать. Он был, какой был. И я есть, какой есть. Не прощение тут нужно, Иван Петрович. А понять... , За что он жизнь отдал. Я, пожалуй, до сих пор не понял.

Иван понял, что ответа на свой мучительный вопрос о царевиче он не получит. Народ жил в другой системе координат, где трагедия была частью пейзажа, как болото или туман.

ГЛАВА 11. 1708 ГОД.

Слух пришел с обозом, привезшим железо для якорей: «Шведы разбили наше войско при Головчине. Идут на Смоленск. К Москве».

Ветер с залива теперь казался шведским дыханием. В Петербурге началась лихорадочная деятельность иного рода: грузили архив Адмиралтейства, ящики с инструментами, чертежи. Князь Меншиков, мрачный и небритый, объезжал стройки, отбирая лучших мастеров для отправки вглубь страны – укреплять Новгород, Псков.

Петр был похож на раненого медведя. Он метался меж-

ду стройкой и штабом, его приказы становились все резче, невыполнимее.

— Город не сдавать! — гремел он на совете в землянке коменданта. — Но если... если придется, все, что построено, спалить. Чтоб шведу одна головня досталась!

Иван видел, как по ночам царь выходил один на пустынный берег и смотрел на очертания крепости, на скелеты будущих кораблей. Его гигантская фигура в промозглом тумане казалась призраком, стерегущим свою несбывшуюся мечту. В один из таких вечеров Иван, рискуя быть застреленным часовым, подошел.

— Ваше величество... может, усилить гарнизон?

Петр обернулся. Его глаза были красны от бессонницы, но в них горел знакомый неистовый огонь.

— Гарнизон? Весь гарнизон — это ты, Горяинов. И тот лоцман твой, Бражников. И каждый, кто кирпич положил. Кто за этот город жизнью заплатил. Его не отдадут. Они не отдадут.

Он тыкнул пальцем в сторону темных барачков, откуда доносился кашель и стоны. — Они его ненавидят. Но он уже их. Как родимое пятно. Не отскоблить.

В бараках царила другая напасть — «рожа», злая горячка. Люди умирали быстро и мучительно. Алексей, пользуясь своим полу вольным статусом, доставал откуда-то клюкву и хвою. Он ходил по землянкам, поил своих, а потом и чужих. Однажды к нему подошел Федька, осунувшийся, с лихорадочным блеском в глазах. Он уже не призывал жечь верфи.

— Алеша... шведы, говорят, скоро. Правда?

— Говорят.

— Может, хоть они... порядок наведут?

Алексей грубо схватил его за плечи: — Они тебе порядок наведут на виселице, дурак! Или в рабство уведут. Тут хоть своя земля. Хоть и болото.

Он отшатнулся от собственных слов. «Своя земля». Когда он успел начать так думать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.